

The title is surrounded by several stylized, light gray flowers of varying sizes and orientations, scattered across the page.

ПУТЕШЕСТВИЯ
ЛЕЙЛЫ
ДАНИЯ ЖАНСИ

The logo consists of three small, four-pointed stars arranged in a triangular pattern above the brand name.

INSPIRIA

Москва
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ж31

Во внутреннем оформлении использована иллюстрация:

© Anna Pogulyaeva / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Cover illustration by Hülya Özdemir

Жанси, Дания.

Ж31 Путешествия Лейлы / Дания Жанси. — Москва :
Эксмо, 2024. — 384 с.

ISBN 978-5-04-199265-1

Лейла приходит в себя в мире, кардинально отличающемся от известного ей. Вскоре новая реальность начинает проясняться, но готова ли героиня мириться с ней и с отведенной ей ролью? Лейле придется принять непростые решения, чтобы остаться верной себе и своим принципам, актуальным в обоих мирах.

УДК 821.161.1-31

БК 84(2Рос=Рус)6-44

© Жанси Д., 2024

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-199265-1

Часть I
МИР

Глава 1

Как тут странно и неудобно, в этой клинике. Но и легко, как никогда...

«Не волнуйся, Лейла, не волнуйся» — она боится этой фразы. Потому что в каждом тихом, нежном здесь-и-сейчас все же таится липкая паутина сомнений. И что они заладили свое: «Не волнуйся, Лейла». Будто если не волноваться, все неровности тут же сгладятся. Только мысли позитивно, заботься о себе, заботься о других. Со всем соглашайся.

Может, с ней все же что-то не в порядке? Может, поэтому лоскутки настоящего так часто расходятся с треском. Может, может... Может, все пошло не так с трагедии в Довиле. После очередного ее обморока.

Трагедия.

Для Лейлы это слово давно утратило форму и вкус, слишком часто его повторяли: на работе, пресс-конференциях, встречах с семьями погибших. Внутри она, трагедия, долго еще жила неназванной, глубоко личной. Просто затасканное слово отношения к ней больше не имело.

Грузовик на набережной. Фарс, нелепица. Показ круизной коллекции ее модного дома, того, на кото-

рый она работает. Работала. Муляжи белых лилий и роз вдоль подиума, из них торчат малиновые рапиры женских шпилек, все огромное или, говоря словами пресс-релиза, экзальтированное. Тема показа отражает ценности бренда — память о корнях и открытость миру. А также посыл новой коллекции — празднование уязвимости в мужчинах и утонченной силы в женщинах. Показы идут уже пару дней, и вот шоу для Лейлиной группы редакторов и «лидеров мнений». Наконец-то, последние сутки Лейла только и делала, что решала их проблемы: в таких поездках подопечные всегда становятся как дети. Гости заполнили ряды и проходы, набережную облепили зеваки. И началось. Яркий свет, дым, труппа карликов в корпоративных цветах, белом и малиновом, танцует брейк-данс. На подиум выходят модели. Разумеется, самая капризная блогерша из группы опоздала, не увидела стул со своим именем. Окей, где коллеги из Парижа и стул? Нашли. Вот только все наладилось, только Лейла выдохнула... И началось...

Сперва приглушенные крики с разных сторон, как в кинотеатре с объемным звуком. Лейла подумала еще: такого не было в сценарии, она же читала его в самолете. Потом увидела смуглую итальянку с полными солнца кудрями. Та округлила глаза, рот — крика не было слышно, Лейла просто его видела, ощущала. Волна паники прошла от девушки к Лейле и дальше до неба, до края горизонта. Голосили теперь ясно и громко. Все еще играла фоновая музыка, модели вышагивали по подиуму. Неужели и это — часть плана? Мировая какофония становилась ближе и ближе, цеплялась угловаты-

ми звуками и вспышками, накрывала все. Люди бежали куда-то, и Лейла тоже.

Только потом, спустя вечность, послышались сирены и хлопки. Рядом оказалась та самая блогерша, и Лейла повторяла ей снова и снова: не паникуй, все хорошо, не паникуй, все хорошо, не паникуй, все хорошо. Искала сообщения в рабочих чатах, телефон не слушался подушечек пальцев, не открывал сразу что надо. «На шоу ворвались грузовики с неизвестными». «Террористов обезвредили». «Исламские радикалы». Так потом говорили в новостях. Лейла и ее коллеги долго еще повторяли одни и те же слова — ключевые месседжи — журналистам и родным погибших. Слова о трагедии. Это стало новой работой. При каждом повторении душа готова была обжечься. Но слова эти только охладили, как большие замороженные рыбыны, от которых немеют пальцы.

«Терроризм не имеет национальности и религии» — так звучал один из таких месседжей. Может, поэтому, несмотря на арабское имя, общаться с родными погибших от имени компании часто отправляли ее. Ничего не объясняли, говорили только: можешь отказаться в любой момент. Но впервые за много лет Лейла знала, что делает что-то нужное. Не переписывает, как из года в год, пресс-релизы о дерзких экспериментах и открытиях в новых коллекциях, не работает живой вешалкой одежды для блогеров и редакторов. После разговоров с ней этим родственникам становилось хотя бы немного легче, и она чувствовала свою нужность, настоящесть.

Лейла тогда много времени провела в Центре заботы о близких в Довиле. Туда приходили и звонили люди, чьи родные были на шоу и пропали. Заботу о близких организовал «мировой лидер в управлении бедствиями», чей промысел — большие трагедии в разных странах, клиенты — крупные компании и правительства, а стоимость услуг — ох. Почти все, кто работал в этом центре, были добровольцами из сытых благополучных стран, откуда часто ездят поспасать мир во время отпуска или на пенсии. Каждый день сотрудники не высыпались, сидели на месте с раннего утра до вечера, не важно, зашел ли сегодня в центр хотя бы один родственник или нет. Каждый день долго и с шумом выбирали ланч с доставкой. Каждый день их вытянутый и почти прозрачный директор, точно не доброволец, подолгу распиная такую же субтильную коллегу. Особенно разозлился, когда та вставила в отчет цифры с сайта главного конкурента, другого мирового лидера в управлении бедами.

Сотрудники центра праздновали день рождения этого директора в ресторане гостиницы, где и жили. Задорная белоруска-администратор устроила конкурс с визгами и лопанием шариков между ног, именинник вспоминал, как год назад отмечал свой день тоже во Франции, недалеко, на месте авиакатастрофы, а за год до того на взрыве молла в Кении. В том же ресторане они и без того ужинали вместе каждый вечер: в свободное время рекомендовалось не уходить далеко и не привлекать к себе внимания.

Но и этот центр, и странный праздник тоже вписывались еще в Лейлины рамки, хотя так и норовили

вылезти за них. Невыносимо стало потом, когда в головном офисе все улеглось и вернулось в свою колею. А ведь ненадолго почти все стали настоящими, старались изо всех сил помогать друг другу и пострадавшим. И вот снова начали фальшивить, притворяться, ждать того же и от нее. Лейла сбегала в путешествия, книги. Решилась наконец на фэтграфтинг: когда твой жир берут из одной части тела и вкачивают в другую. Она хотела убрать бедра и добавить грудь, списалась даже с клиникой в Таиланде, вот-вот должна была туда полететь. Кто-то ушел во фриланс. А один коллега родом из Туркменистана купил красный «Порше» в кредит на несколько лет. Жизнь коротка и конечна.

* * *

Мир запросто мог сдвинуться и раньше, еще до показа, когда Лейла бродила по транзитному Сингапуру, голодная и злая. Весь перелет не кормили толком. В бизнес-классе одной из лучших авиакомпаний и партнера их показа в Довиле не нашлось второго овощного салата вместо блюда с запретными тогда углеводами. Двадцать часов из Новой Зеландии в Сингапур, пересадка в Австралии, где еду нельзя провозить даже транзитом. Еще и посадили в проходе, почти у эконома, с надменной улыбочкой спросили, умеет ли пользоваться креслом. Как будто очевидно, что Лейла не такая, как другие пассажиры здесь. Пусть и летела по служебному билету, который повысили до бизнеса только в последний момент. Сколько она уже перевидала этих кресел.

Лейла так ждала двадцать три транзитных часа в Сингапуре, так предвкушала. А пришлось долго ругаться в дорогом вроде бы ресторане, который рекомендовали все коллеги. Ее не хотели сажать одну за большие столы на террасе с видом на город, подсовывали дурацкий столик в закутке. Да она бы, может, заплатила там как за троих. Ох. И вот Лейла бродила по округе, искала и искала в трипэдвайзере другое место с хорошим видом и отзывами, не находила. Все раздражало, от голода тошнило, Лейла не спала почти сутки, много курила, а обычно почти не курила, пусть станет еще нестерпимее, пусть, и в какой-то момент... темнота, затем свет.

Пришла в себя на стуле уличной кафешки. Видела только небо, разные по цвету и форме верхушки небоскребов. Лейла и сама плыла там, высоко, пока не стала возвращаться, осознавать угрюмо, с безнадежностью, где она и кто. Не хотелось из хорошо знакомого нигде приходить обратно в себя, на соломенный стул, в мокрые теплые брюки. Что за бессилие перед телом, стыд, стоит на секунду потерять контроль. Просила помощи у компании молодых людей за соседним столиком. Только никто не откликнулся, как будто старались не замечать. Пришел официант, начал суетиться. «Nashatir, nashatir» — Лейла подносила пальцы к носу, изображала головокружение и вдох резкого запаха. Официант исчез надолго, потом вернулся зачем-то с серым хлебом и водой, застыл в послушной улыбке.

Тогда Лейла встала и пошла, ее гостиница была рядом. По пути искрился на солнце, журчал фонтан, и ни-

когда еще не было в жизни такой радости и простоты. Яркий мир, Лейла в нем. У входа в гостиницу громко окликнул симпатичный высокий европеец или, как она позже узнала, бур из Южной Африки с корнями откуда-то из Европы. Да, точно, они летели вместе из Дубая в Стамбул несколько месяцев назад и проговорили весь полет, а по телефону он отвечал кому-то на немецком. Было в его улыбке и глазах что-то настоящее, бесхитростное, а еще он был так крепко, надежно сложен, хорошо одет.

В тот первый раз в аэропорту искал ее глазами на паспортном контроле: Лейла убежала в туалет сразу, как приземлились, и стояла в очереди позади, проверяла соцсети и почту после долгих часов полета, было не до живого общения. В другое время, в другом мире она бы приятно удивилась этой новой встрече в Сингапуре, поговорила с ним опять, оставила контакты. Но после обморока лишь помотала головой с улыбкой и побрела дальше к номеру, к кровати.

Добравшись до постели, открыла почту на смартфоне, отменила все брони и конференц-звонки на следующие два дня. Лежала без движения, без ускорения, без мыслей. Перекатывалась через пустоту и боль в голове, через слабость. Радовалась, что хотя бы сейчас можно просто лежать и смотреть на серую в тени штор стену, не надо ни к чему стремиться, не надо быть лучшей сразу во всем. Много раз потом думала: может это тогда, из обморока в Сингапуре, она и очнулась в другой реальности, как бы сотворила ее сама. И на злосчастный показ в Довиле она летела оттуда.

Или мир сдвинулся лет десять назад, когда Лейла окончательно оторвалась от земли, стала жить тут и там, в самолетах? Или совсем на днях, после другого обморока, в море, во время короткой остановки на Кипре по пути из Токио? Сколько их было: и перелетов, и обмороков. Скоро, уже скоро целый месяц никуда не лететь, целый месяц не путешествия даже, а неспешной жизни в Таиланде. Так много знакомых ездили туда на чекапы и пластику.

Душно, влажно, но Лейла обещала себе плавать или бегать каждый день. Особенно перед операцией, после которой на месяц-полтора придется исключить любые нагрузки... пришлось бы... Не поспав даже, поев только орехи с сухофруктами, спустилась к консьержу в гостинице, арендовала машину, поехала на ближайший пляж. Дикий, без людей. Как она устала от людей. Окунулась целиком, поплыла. Как всегда. Только в этот раз вода была теплая, маслянистая, она обволакивала неприятно, хотелось быстрее выйти. В сумерках и земля, и небо рябили волнами, или так виделось без очков. Лейла нащупала уже ногами песчаное дно и шла к берегу. Только бы дойти до травы и сесть, хотя бы до песка дойти. Видимо, не успела.

И она снова там, где нежность обнимает. О ней заботятся, она дома. В покое, любви, чреве матери. Надо просто расслабиться, отпустить. Нет ни времени, ни пространства: радость, счастье. Но что там было... море... трава... Лейла куда-то плывет, идет... а дальше? Что-то не бьется, не вяжется с этой идиллией. Что-то не так.

И начинаю: «Просыпайся, Лейла, просыпайся». Плыву куда-то, рвусь. «Отдайся безмятежности, не старайся, не сопоротивляйся. Нет. Просыпайся, Лейла, просыпайся». Пока не протискиваюсь, наконец, куда-то и не вырываюсь, не прихожу в себя. Со-пор-со-пор-сопор-ти-вле-ни-е.

Так она очнулась в этой клинике в первый раз, прибитая к постели, как после наркоза или ночного бреда. Тогда и появились белые сны.

Холодно, беззащитно, белым-бело. И не пошевелиться.

* * *

Каким он был, мир до белых снов? Размытым по причине и плохого зрения, и нелюбви к оптике. До вождения машины Лейла вовсе обходилась без очков или линз. С ними реальность становилась чрезмерной, наваливалась сразу: избыточная, искусственная. Вот зачем так подробно видеть вывески на обочине дороги или коллег в другом конце опенспейса, борьбу внутренних демонов ли, гормонов ли на лице шефи-ни? Снять очки иногда было спасением. Очки или линзы, кроме как за рулем, Лейла надевала только на важные мероприятия и прогулки по новым городам или природным чудесам света. С волнением погружалась в высокое разрешение продуманного до мелочей мира, каждый раз ненадолго.

Без очков Лейла теряла в нюансах, не всегда читала между строк. Языковой барьер она давно преодолела,